

*Ты со мною прощался,
И снег был похож на цветы,
А сегодня вернулся,
И цветы так похожи на снег.*

ФАНЬ ЮНЬ. «СТИХИ НА ПРОЩАНИЕ»¹

* * *

У Баолин черной пылающей птицей стоял перед Девятью Солнцами. Огонь растекался по стенам, беря его в золотой круг.

— Дядя!

Ее голос эхом разлетелся по пустому залу, но Глава Воронов не обернулся. Казалось, уже минул век с тех пор, как она, опустившись перед ним на колени, молила о позволении вернуться. Век, сожженный огнем. Теперь она могла встать рядом с ним. Теперь ее наряд сливался с его черным одеянием в одну непроглядную бездну.

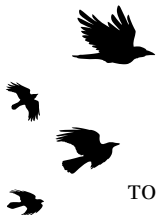
— Ни у кого не получилось. За все столетия, — ее голос, его злость.

— Вздор! Стоит бросить клич, мы соберем тысячи. Я соберу столько, что Гора Лотоса покроется трупами, но мы ступим на вершину!

— Разве ты забыл? Равновесие. Их сила равна нашей. Иначе или мы, или они уже были бы уничтожены.

---

¹ Фань Юнь. Стихи на прощание / Пер. с кит. Л. Е. Балдыкина. М., 1977. — *Здесь и далее прим. автора, если не указано иное.*

— Они полагались лишь на силу. Я буду хитрее.

— И что ты сделаешь? Я была там, я была на Горе Лотоса, я видела их мощь и силу их меча.

— За все столетия в нашей семье был лишь один трус. Твой отец!

— И что же? Что дала нам храбрость? В нашей семье каждый был смел, но пал в бою. Атаковать Учение Лотоса? — Она усмехнулась. — Мы делали это веками. Разве покачнулась Священная Гора? Разве была сорвана печать?

— Ты...

У Баолин впился в нее горящими глазами. Горящими и беспомощными. Все, что она могла сказать ему, — он думал об этом уже сотни раз. Но она стояла рядом с ним. Гордая, дерзкая. В этой девочке и правда было больше крови Священных Воронов, чем в ее жалком отце. В этой девочке не было страха.

— Но если не удалось нашим предкам, это не значит, что не удастся нам. Я знаю, как победить Учение Лотоса.

— Как?

Ее глаза потемнели, кривая улыбка ловила отблески огня.

— Мы не можем ворваться на Гору Лотоса и перебить всех. Наши предки не были слабее нас. Сила меча не возросла за эти столетия. Так зачем же проливать свою кровь там, где можно обойтись огнем? Если нельзя попасть на Гору Лотоса извне, мы можем попробовать одолеть их изнутри. Мой отец подарил тебе прекрасный шанс, дядя. Твоя дорогая племянница примет имя госпожи Бай и войдет во Дворец Безмятежности.

У Баолин прищурился. Он знал, что довериться ей так быстро может оказаться ошибкой.

— Считаешь его мужем?

Золотой ворон на одеянии племянницы покачнулся от ее смеха.

— Если бы мне нужен был муж, разве я пришла бы сюда? — Ее лицо резко изменилось, тени сделали его почти зловещим. — Ты забыл, дядя, что мой отец погиб на Горе Лотоса? Он погиб, потому что доверился семье Бай. Даже если забыл ты, я забыть не могу.

— Хорошо, что ты помнишь это.

— Я помню все лучше тебя, дядя. Поэтому я заставлю Бай Сина помочь нам выпустить Воронов.

— Как?

— Разве советник Шэ не говорил тебе, что моей наставницей была сама Юэ Гуан? Пусть Глава Бай и кажется неприступным, но твоя племянница сумеет растопить его лед быстрее, чем он поймет, что тонет. Я соблазню его, и он доверится мне.

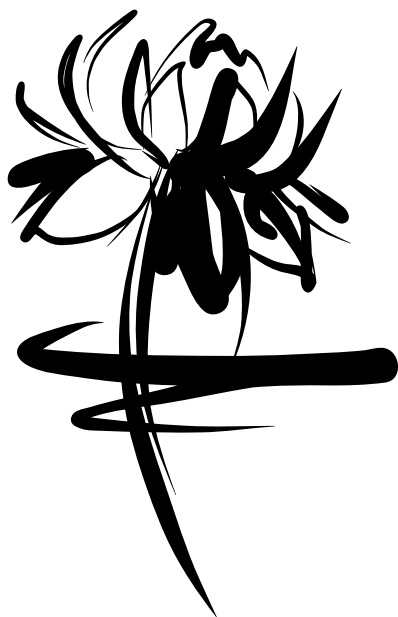
Огонь пылал в ее зрачках, когда она улыбнулась и произнесла:

— Я убью Бай Сина. Кто кроме него совладеет с мечом Лотоса? И кто остановит нас без этого меча?

ПРОЛОГ СЛАДКОЕ ВИНО

*Для меня ты — как солнце,
Ужели же время заката?*

Ли Бо. «Проводы друга»¹

---

¹ Ли Бо. Проводы друга / Пер. с кит. А. И. Гитовича. СПб., 1999.

1

Мы не успели. Когда пришла весть о восстании У Ба-
олина, Дворец Золотого Крыла уже пропитался
смертью. Когда отец бросился на помощь Главе У, кровь
уже растекалась по реке Зеленого Карпа. Наши лучники
отгоняли воинов Ворона, а я кинулся к ней.

Я не успел. Глава У еще держался, отбивая атаку, а Мин-
чжу уже уходила под воду. Я нырнул следом. Мутная вода
застилала взгляд, рассеивая ее силуэт. Тогда я в первый
раз почувствовал страх. Он липкими щупальцами сдавил
грудь. Я не найду ее! Что, если я не найду ее? Я разорвал
эту мысль одним резким ударом. Нырнул глубже и вы-
тащил ее из воды.

Вокруг все стихло. Она не дышала, но я знал: она
не могла умереть. Не так, не сегодня. Кажется, я растирал
ее ладони, моля очнуться. Кажется, она услышала меня.
Ее глаза открылись, и кашель судорогой прошел по телу.
Она была жива.

— Надо спешить, — голос отца заставил меня оторвать
взгляд от ее лица.

Глава У лежал рядом, я видел, что его одежда залита
кровью. Нужно было спешить. Мы неслись быстрее ветра.
Я крепко держал Минчжу, боясь, что она не выдержит

бешеной скачки, но знал, что тетя Цзюань и лекарь Гу позаботятся о ней.

Минчжу не приходила в себя, отец часами сидел у постели Главы У. Я знал, что мир, который они строили долгие годы, размывается кровью. Я знал, что мир, который ждет нас, окажется хрупче первого льда, и все-таки я даже представить не мог, что нас ждет. Вместо отца я отдавал указания и принимал доклады. Это был хаос, который я предчувствовал еще с первых расплзающихся паутиной слухов о беспощадности воинов Ворона. Только отец твердил, что Глава У не может быть причастен к этому, и просил дать тому время, чтобы со всем разобраться. Но чем больше творилось беспорядков в смежных землях, тем тяжелее становилась его поступь. Я знал, что чувство ответственности за людей давило на его плечи. Я знал, о чем они спорили в последний приезд Главы Ворона, только никто не подозревал, что предатель больше не будет ждать, прячась в тени. Никто не подозревал, и когда я предложил оставить Минчжу погостить у нас, Глава У сердито рассек воздух рукой. Он забрал ее, и она вернулась со стеклянными глазами и дрожащими пальцами. Увидев меня, она упала и забилась в угол у подножия кровати.

— Чжу-эр¹, все хорошо.

Тогда она впервые посмотрела на меня так, будто я был ее врагом.

Она не верила мне, она не узнавала меня. Глава У должен был оставить ее здесь.

---

¹ ...-эр (儿) — уменьшительно-ласкательный суффикс в китайском языке. Употребляется старшими при обращении к младшим (часто детям), а также между друзьями, родственниками, возлюбленными.

— Бай Син.

Ее глаза посветлели. Лучше бы она осталась здесь.

— Отец...

— Глава У жив, отец с ним.

— Я хочу к нему.

Она была слишком слаба. Лучше бы она просто уснула и проспала еще несколько дней, но она с отчаянием смотрела на меня. Она хотела видеть, что ее отец жив. Я протянул ей руку и помог подняться. Если бы я знал, что после она не позволит привести себя обратно, я бы не пустил ее. Она ничем не могла помочь своему отцу, но продолжала истязать себя, сидя рядом с ним. Она заснула первый раз только после того, как пришли вести о брате. Я проверял последние донесения из провинций, когда Вэй-гэ¹ сказал, что она наконец сдалась. Отдав нераскрытые сообщения брату, я пошел к ней. Она спала полусидя, сжимая пальцы Главы У. Я хотел отнести ее в покои, чтобы она наконец могла отдохнуть, но стоило коснуться ее руки, как она нахмурилась и что-то тревожно зашептала. Я не должен был причинять ей еще большей боли. Я осторожно накрыл ее одеялом и ушел.

Отец почти не выходил из Зала Белых Звезд, дожидаясь пробуждения Главы У. Я пытался облегчить его ношу, взяв внутренние дела Учения на себя. Изредка Вэй-гэ передавал новости от лекаря Гу и тетушки Цзюань. Но казалось, что поднявшийся северный ветер уносит добрые вести все дальше от наших стен.

— Чжу-эр отказывается от еды.

---

¹ ...-гэ (哥) в китайском языке имеет значение «старший брат»; используется при обращении к человеку, который немало старше по возрасту.

Она должна была продержаться, пока хаос не начнет оседать и мы добьемся, чтобы все вернулось на свои места. Она должна была продержаться. Но ни надежда на выздоровление отца, ни теплота тети не могли одолеть ее страх. Слабой безвольной тенью она сидела подле Главы У и всматривалась в его бледное лицо. Она должна была жить, она должна была выдержать, но не было никого, кто бы мог убедить ее в этом.

Когда я принес ей отвар из трав, я хотел только одного: чтобы она не позволила последним силам покинуть ее. Я видел ее глаза. Я видел, что она оттолкнет меня.

— Пей.

Лучше бы она осталась здесь.

Я не знал, что делать с ее глазами. Никогда до этого я не видел у нее такого взгляда. Ее крылья были перебиты, и она не хотела бороться. Даже если она не хотела, она должна была жить. Она должна была перенести это. Я заставил ее выпить лекарство силой. Я видел, что она ненавидит меня, и был рад, что у нее оставались силы хотя бы на ненависть.

Чаша разбилась. Она должна была вспомнить, что все еще жива.

— Отпусти.

Она зарыдала, она хотела вырваться, но перебитые крылья не давали ей взлететь. Я осторожно вытер ее мокрые щеки. Минчжу почти не плакала в детстве, даже когда падала и разбивала коленку, даже когда острый камень ранил ее ладони, она смеялась, а потом убегала. Я не знал, что делать. Я боялся, что слезам не будет конца, я боялся, что все ее силы вытекут с ними и она рассыплется.

«Ты не можешь быть такой слабой».

Ее глаза остекленели. Я никогда не умел утешать. Я просто хотел, чтобы она нашла силы, я просто хотел, чтобы Глава У никогда не увозил ее с собой.

Теперь я приходил к ней несколько раз в день, чтобы заставить выпить горький настой. Она больше не пыталась разбить чашу, она больше не плакала, но при виде меня ее взгляд пустел. Я знал, она хотела, чтобы я скорее ушел.